

А. МИРЭ

ЧЕРНАЯ

ПАНТЕРА



INSPIRIA

Москва



А. МИРЭ

ЧЕРНАЯ

ПАНТЕРА



INSPIRIA

Москва

УДК 821.161.132
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М63

Предисловие *М. В. Михайловой*,
подготовка текста при участии *М. В. Михайловой*
и *С. В. Кудрицкой*

Составители сборника:
Мария Михайлова, Софья Кудрицкая, Людмила Иванова

Художественное оформление *Алексея Гаретова*

Мирэ, А.
М63 Черная пантера : антология / А. Мирэ. — Москва :
Эксмо, 2025. — 384 с.

ISBN 978-5-04-200801-6

Под псевдонимом А. Мирэ скрывается женщина удивительной и трагичной судьбы. Потерявшись в декадентских вечерах Парижа, она была продана любовником в публичный дом. С трудом вернувшись в Россию, она нашла возлюбленного по объявлению в газете. Брак оказался недолгим, что погрузило Мирэ в еще большее отчаяние и приблизило очередной кризис, из-за которого она попала в психиатрическую лечебницу. Скончалась Мирэ в одиночестве, в больничной палате, ее писатели-современники узнали о ее смерти лишь спустя несколько недель.

Несмотря на все превратности судьбы, Мирэ бросала вызов трудностям как в жизни, так и в творчестве. В этом издании под одной обложкой собраны рассказы из двух изданных при жизни А. Мирэ сборников — «Жизнь» (1904) и «Черная пантера» (1909), также в него вошли избранные рассказы вне сборников, наиболее ярко иллюстрирующие тонкий стиль писательницы. Истории Мирэ — это мимолетные сценки из обычной жизни, наделенные авторской чуткостью, готическим флером и философским подтекстом.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-200801-6

© Мирэ А., текст, 2024
© Михайлова Мария Викторовна,
текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Сохранилась только одна фотография этой женщины: замысловатый тюрбан (следование моде начала XX века) и усталое, какое-то растерянное, чуть склоненное вбок лицо под ним. Однако встречи с ней людям врезались в память: «Женщина странная, ни на кого не похожая». Но странное впечатление складывалось еще до личного знакомства, тогда, когда читающая Россия ломала голову, кто же скрывается под звучным псевдонимом «А. Мирэ» — мужчина или женщина? Даже такой знаток литературы, как В. Брюсов, беспомощно разводил руками: «Мы не знаем французского автора с фамилией Мирэ»¹. Впоследствии стало известно, что псевдоним она придумала, взяв фамилию знакомого студента «Реми» и переставив в ней слоги. Но есть и версия, что в основе французское слово *miré* — прицел, мушка. Возможно, она так себя и ощущала: всегда была на мушке, на взводе, на прицеле...

Впрочем о жизни Александры Михайловны Моисеевой (1874–1913), а именно она скрывалась под звучным псевдонимом, надо рассказывать по порядку: столько она заключает в себе событий, переживаний, трагизма и — любви...

¹ У Брюсова написание фамилии именно такое. Сама писательница чередовала «е» и «э».

Родилась Шурочка — так звали ее близкие — в семье среднего достатка в провинциальном городе Борисоглебске. Окончила гимназию. Годы юности, смутных порывов и надежд, ожиданий и волнений подробно описаны ею в одном из последних опубликованных произведений — «Страницы из дневника» (1912), где автор вывела себя под именем героини Лары. Это она, юная прелестная Шурочка-Лара, томится неясными мечтами. Замкнутая и стеснительная, она пробует разорвать круг повседневности, покидает постылый домашний очаг, устремляется к тому светлому, романтическому, что сосредоточено для нее в театре. Лара поступает на сцену, но вскоре оставляет ее (это проделала и Шурочка Моисеева), так как и там встрети-лась с корыстолюбием и пошлостью.

Девяностые годы позапрошлого века. Время революционного бурления в среде молодежи. Шурочка с ее стремлением к правде и справедливости оказывается в кругу радикально настроенных молодых людей. По делам революционной пропаганды она выехала в Одессу, где и была арестована, оказалась в тюрьме, откуда освободилась в 1894 году, оставшись под надзором полиции. Без паспорта, дожидаясь разрешения на выезд за границу, прожила следующие три года уже в Кишиневе. Трудно судить, насколько значимо было для нее революционное прошлое. Возможно, ее опять-таки привлекала романтика, на этот раз сосредоточившаяся в борьбе, горячих спорах, ощущении опасности. Во всяком случае, в тех странах, где она побывала после России (выехала в 1897 году), — в Бельгии, Франции, Италии — она нередко посещала рабочие собрания, митинги и даже запечатлела несколько таких сценок в своих рассказах.

1897 год. Париж. Монпарнас. Художественная богема. Шурочка позирует живописцам, становясь подругой то одного, то другого. Позже в ее рассказах возникнет много этих «моделей», являвшихся «материалом» искусства, от которых принято брать

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

молодость, красоту, готовность служить любимому, а потом, выбрасывая на улицу, забывать о них. Для Шурочки началась вольная жизнь: веселые дружеские попойки, ночные бдения, нескончаемые разговоры об искусстве. Она пристрастилась к табаку, абсенту. Такой ее знал Максимилиан Волошин, и это знакомство оставило у него неприятные воспоминания...

Кончилось тем, что один из любовников продал ее в публичный дом в Марселе, где она развлекала пьяных матросов и из которого ей с огромным трудом удалось выбраться. Выбиваясь из последних сил, прося милостыню, она добралась до Парижа. Возможно, уже тогда у нее появились первые признаки душевного заболевания — тяжелые видения, ощущение давящей пустоты. Однако все это не заставило ее проклясть «парижскую» и ту «новую, могучую жизнь», которая ей была так необходима.

«В Париж нужно в первый раз попасть такой, какой я попала: очень беззаботной»¹, — писала она в одном из писем. Но «беззаботность» Шурочки была особого рода — это была жадность молодости, надежда на встречу, ту великую, единственную встречу, которая оправдывает все лишения и падения. Любви, любви исступленно искала Шурочка на мансардах, в кафе и даже, возможно, на мостовой. Кому-то это может показаться отвратительным, ужасающе безнравственным. Но, как бы отводя подобные подозрения, она повторяла: «Вы мне говорили, что у меня никогда не было любви, а так, обрывки (от себя прибавляю) — цинизма. Дело в том, что я в глубине души никогда не была цинична. Так сложилась жизнь».

Она вернулась в Россию приблизительно в 1903 году. Поселилась в Нижнем Новгороде, где зарабатывала на жизнь, едва ли не ежедневно публикуя в местной газете зарисовки, картин-

¹ Цитаты из писем А. М. Моисеевой приводятся по материалам, хранящимся в РГАЛИ.

ки и сценки из парижской жизни. Происходило это так: она запасалась на ночь водкой, селедкой и огурцами, а наутро приносила в редакцию очередной рассказ. Естественно, такой образ жизни не проходит бесследно. Уже тогда, как свидетельствовала друзья, она «совсем потеряла образ человеческий. С утомленным лицом от бессонных ночей и вина, плохо, неопрятно одетая, с какой-то виноватой улыбкой и странным неестественным смехом»¹. И не случайно в первом же сборнике А. Мирэ «Жизнь» (Нижний Новгород, 1904) А. Блок пронизательно выделил те вещи, которые обращают на себя внимание «тихой измученностью, которая не мешает свежести восприятия... Автор в своем жанре достигает тихой простоты, которая говорит больше, чем «правда жизни», обыкновенно становящаяся фальшью в искусстве»². Это были «психологические картинки с оттенком своеобразного романтизма, страстного и в то же время печального»³. На самом деле в книге были собраны рассказы (или, как она их чаще называла, «рассказички») двух типов. Одни — бытовые сценки, мимолетные картинки текущей жизни, всегда имеющие тонкий философский подтекст. Другие — этюды, в аллегорическом ключе разрешающие проблемы Жизни, Смерти, Красоты, Искусства, Творчества. Если первые выдавали острый глаз писательницы, ее умение наблюдать и обобщать, то во вторых — чаще всего обнаженно и прямолинейно, даже с дидактическим уклоном — излагалось ее кредо: желание борьбы, сопротивления неблагоприятному течению судьбы, зов жизни, проповедь активности, победа воли. Но даже в этих «обнаженных» по мысли произведениях можно было обнаружить неповторимое своеобразие творческого почерка Мирэ. Она импрес-

¹ Так описывала ее в своих воспоминаниях жена символиста Георгия Чулкова Надежда Григорьевна (ОР РГБ. Ф. 371. Д. 6. Ед. хр. 1. Л. 36).

² Блок А. А. Полн. собр. соч.: в 20 т. Т. 7. М., 2003. С. 172.

³ Тыркова А. А. Мирэ. Некролог // Русская мысль. 1914. № 1. С. 26–27.

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

сионистическими красками могла, например, создать образ Но-чи или экспрессивными мазками нарисовать «когти» солнечных лучей, терзающих Землю.

В 1905 году Мирэ переехала Петербург, где при помощи друга юности писателя-символиста Георгия Чулкова начала печататься в модернистских изданиях «Вопросы жизни», «Золотое Руно», «Перевал», вращаться в кругах петербургской художественной элиты. Многим запомнились тогда ее «ни с чем не сообразная фигурка», «бледное, помятое лицо с растерянной жалкой улыбкой и горящими, красивыми глазами, все еще молодыми и полными ожидания»¹.

В это время довольно резко меняется творческая манера писательницы: ее рассказы приобретают мистический колорит, большую роль начинают играть условность и фантастика. Черная пантера из одноименного рассказа, вызывающая у героя непреодолимое влечение, воплощает Зло «пламенных сфер», уходящих в Вечность. Образ дикого зверя, как и любовь, одновременно сулит неземное наслаждение и приносит неминуемую гибель. Появляется автоматический человек, который тем не менее остро ощущает муки ревности и, страдая, убегает от своего хозяина. Взамен настроений надежды и веры, свойственных первому сборнику (хотя и в нем слышались ноты отчаяния), здесь начинают преобладать настроения тоски, главенствует одиночество, непонимание, отчужденность. Роковые случайности, непредсказуемость поведения, алогичность поступков и, как следствие, — безнадежность, мучения, смерть. Именно они становятся законами, властно распоряжающимися жизнью. И это результат того, что Бог отвернулся от человека, оставив ему в удел страдания и скорбь. Разгул «темных сил», воля «к уничтожению» — вот что отныне становится сутью худо-

¹ Тыркова А. А. Мирэ. Некролог // Русская мысль. 1914. № 1. С. 26–27.

жественного мира Мирэ. Если раньше присутствовали надежда и устремленность в будущее, если у французов она восприняла импрессионизм, то теперь вечные темы решались в мрачно-декадентском, «уайльдовском» духе¹ — как «безумие каннибальской пляски чувства, эгоизма и тщеславия»².

Мирэ филигранно смешивает разные краски, и из-под ее пера выходит нечто, напоминающее современный стиль camp, где можно найти красоту и уродство, серьезное и манерное, трагическое и пародийное. Так, в «Черной пантере» она тасует известные всем подробности жизни Уайльда, дает своему герою имя Альфред, а фамилию скрывает за инициалом Д. (что ясно указывает на возлюбленного английского писателя — лорда Альфреда Дугласа). А вот кто скрывается за пылающей страстью пантерой? Уайльд? Или это символ разрушительной любви, пожирающей бездумно отдающихся ей (в рассказе и пантера, и Альфред погибают)? А может, это вообще пародия на чувственность и чувствительность натур, которые требовали особого к себе отношения в Серебряном веке и демонстрировали несоприкосновение с пошлым и земным? И не подсмеивалась ли она над собой, когда описывала в рассказе «Рамбеллино» любовь героини к человеку-автомату (здесь явная отсылка к «Песочному человеку» Э.-А. Гофмана), который не выдерживает ее притязаний и сбегает от нее? Но, недолго погоревав, ветреница уже готова к новым отношениям. Однако, грезя наяву,

¹ О восприятии Мирэ эстетики О. Уайльда подробнее см.: 1) Михайлова М. В., Кудрицкая С. В. Трагический и парадоксальный мир Оскара Уайльда в интерпретации А. Мирэ // *Literatūra*. 2021. № 63 (2). С. 70–87; 2) Михайлова М. В., Кудрицкая С. В. Оскар Уайльд и А. Мирэ: творческие параллели // О. Уайльд и Россия: проблемы поэтики и рецепции / Ред.-сост. Е. В. Кузнецова. М., 2023. С. 146–160.

² Мирэ А. Оскар Уайльд. «Портрет Дориана Грея» // *Вопросы жизни*. 1905. № 4–5. С. 212.

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

о самой себе Мирэ знала, что ей, снедаемой страстной жадной любви, не найти успокоения нигде. Наверное, так можно проинтерпретировать ее рассказ «Весенняя ночь» (1908), где две героини, монахини, в последние часы жизни на земле думают о любви, ревности, мщении, бросаются взаимными обвинениями, забывая о Боге и искуплении.

Как бы то ни было, судьба приготовила Мирэ еще одно испытание. Ее приятельница прочитала в брачной газете объявление одинокого холостяка из Перми, по профессии агронома, с предложением вступить с ним в брак, предварительно обменявшись фотографиями и письмами. Она отозвалась на призыв, получила его фотокарточку, но, разочаровавшись внешностью, переслала фото Мирэ, которая и начала с ним переписку. Заочно Александра Михайловна понравилась «жениху», он сделал ей предложение, пригласил приехать к нему, прислал денег на переезд.

Дальше происходило все так, как и должно было происходить с витающей в облаках, абсолютно не приспособленной к жизни Александрой Михайловной. Окрыленная надеждой женщина ехала так долго и так устала, что совсем не позаботилась о том, чтобы выглядеть привлекательно. Приехав на назначенную станцию, она вышла из вагона невыспавшаяся и непричесанная. Вид ее настолько отличался от изображения на фотографии, что жених даже не сразу узнал ее. Ей пришлось самой представиться ему, и только тогда он повез ее к себе. А жил он в глухом захолустье: на станции Частые Оханского уезда Пермской губернии (во всем уезде в то время насчитывалось около полутора сотен дворян!).

Вначале, по-видимому, все шло неплохо и Александра Михайловна была близка к тому, чтобы обрести себя подлинную! Счастье окрылило ее, она радостно констатировала изменения в себе: стала спокойней, уравновешенней. В семейной жизни она мечтала обрести твердость духа, ясность, уверенность

в завтрашнем дне. Величавая красота уральской природы действовала на нее благотворно: «Высокие холмы и леса, наш домик на берегу Камы. По Каме ходят пароходы. Красота, ширь...» Оказавшись волею случая в «прекрасной глуши» (ее собственное определение), она с головой окунулась в неизвестный для нее доселе мир. «Меня все здесь интересует. Разговариваю с бабами», — сообщала она в письме. Она даже стала употреблять несвойственные ей ранее выражения: «Собралась начать писать большую повесть, а что из этого писанья выйдет, знать заранее никак невозможно, как говорят крестьяне». Она продолжила интенсивно работать не только над собственными сочинениями, но и над переводами (переводила Золя, Мопассана, Барбе де Оревилли, Роденбаха), очень переживая, что заказчики не спешат расплачиваться.

Оказавшись в новом для себя месте, Мирэ присматривалась к непривычному для нее окружению. И хотя ее пугали монотонность, однообразие, отсутствие внешних впечатлений, она могла все это принять и счастливо смириться со всем... при одном условии. Этим условием был Он. Безымянный, вымечтанный, неземной, гамсуновский Глан¹ (в письмах она только так его и называет!) должен был осветить ее неприятную, призрачную жизнь любовью, теплотой, человеческой признательностью, доверительными разговорами. Но разговоров как раз и не было. Муж оказался молчуном. Все попытки Александры Михайловны что-либо понять об его отношении к жизни не увенчались успехом. Он не пускал ее в свой внутренний мир. Да и был ли этот мир у него? По крайней мере, тот, какой был нужен Шурочке! Ведь поместивший в брачной газете объявление агроном

¹ Кнут Гамсун был любимейшим ее писателем. С его романом «Пан», главным героем которого как раз и был Томас Глан, она не рассталась. Но увидеть в пермском агрономе прекрасного романтического отшельника Глана?! На это была способна только Мирэ.

В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

в первую очередь, видимо, все же искал хозяйку дома, аккуратную, бережливую женщину, а не экзальтированную особу, помешавшуюся на любви. С мужской точки зрения — это наихудший вид «помешательства»!

Не получив желаемого, Александра Михайловна взбунтовалась. Подробности их расставания неизвестны. Скорее всего, это был взрыв, истерика, резкое неприятие установившейся нормы отношений. Безусловно, свою роль сыграла и душевная болезнь. А может быть, это было не заболевание, а та беспредельная, немислимая высота требований, которые не «прививаются» к реальной жизни. Ведь свое представление о любви, свой идеал любовного накала переживаний она «без скидок» переносила на взаимоотношения с мужчинами, что и приводило к бесконечным разочарованиям. Если бы ее будущий супруг до того, как «выписывать» себе из Петербурга невесту, удосужился прочитать хотя бы один ее рассказ! Ну хотя бы «Белый ключ» (1910), в котором она заставила пережить свою героиню Ольгу сладостные минуты той настоящей любви, о которой сама мечтала всю жизнь, той, которая для нее всегда была «оправданием и завершением всего, что есть и что будет»¹, то ему бы стало ясно, что от такой женщины надо бежать куда глаза глядят...

Разбитая, опустошенная, она вернулась в Петербург. В ее окружении четко обозначились «мужская» и «женская» трактовки произошедшего: «В Петербурге виделась со всеми. Все женщины говорили, что я хорошо сделала, что уехала, а мужчины (Федор Сологуб и Вячеслав Иванов) сказали, что я была, вероятно, во многом не права...» Она так и не оправилась от пережитого. С этого момента начинаются ее метания. Нигде она не может оставаться надолго. В паспорте появляются штам-

¹ Мирз А. Белый ключ // Новый журнал для всех. 1910. № 24. С. 56.

пы разных городов... Ее неотступно преследует чувство вины и раскаяния. Она упорно продолжает анализировать происшедшее... «Я все сама испортила. Мой муж, как я теперь сознаю, очень, очень любил меня, и, если бы я не нервничала и не делала бы таких глупостей и верила бы ему, у нас была бы хорошая жизнь. Какой ужас сознавать это теперь, когда все кончено. Я была тогда под гипнозом недоверия. Нервы много лучше. Теперь владею собой, но боль временами ужасна» (подчеркнуто автором. — М. М.).

Мысль о неосуществленной любви к покинутому Глану терзает ее. Она писала: «Я его очень сильно люблю, всем существом, очень глубоко. В этой любви много мучений, но я, как недавно прочитала в романе Коллет Вилли¹, “не променяла бы этих мучений на самую большую радость”... Помните, я говорила Вам раньше, что хотела бы знать, что такое настоящая любовь, не мимолетное увлечение, а **любовь** (выделено автором. — М. М.). Теперь я узнала ее...»

Она прибегает к последнему оставшемуся ей средству — работе и неустанно твердит: «Работать, запретить себе думать о любви, забыть о счастье...» И неожиданно делает в творчестве резкий поворот к реализму. Теперь в ее рассказах появляются крестьяне-пасечники, обедневшие дворяне, пейзажи русской стороны. В этих произведениях явно ощущается что-то бунинское, глубоко проникновенное. Казалось бы, очень хорошо: вернулась на землю, обогатилась новыми впечатлениями

¹ Коллетт (полное имя Сидоні-Габриэль Коллетт 1873–1954) — французская актриса мюзик-холла, писательница, журналистка; одна из звезд Прекрасной эпохи. Первые романы по настоянию мужа публиковала под его фамилией. Александра Михайловна могла читать ее цикл о молодой девушке Клодине: «Клодина в Париже», «Клодина в школе». Они, несомненно, повлияли на ее автобиографическую повесть «Страницы из дневника».